

Лит. Россия, 1982, 7 мая, № 19



Штрихи к портрету Петра Проскурина

СТУПЕНИ МАСТЕРСТВА

ПЕТРУ Проскурину исполнилось тридцать шесть, когда он поехал в Москву учиться. За плечами у него было несколько сборников рассказов, два «толстых» романа и поистине горьковские университеты жизни. От родной Брянщины, где тринадцатилетним мальчишкой пережил он трагедию оккупации, будущий писатель проехал через всю Россию до Камчатки, служил в армии, работал шофером, лесорубом. А после Высших литературных курсов — работа специальным корреспондентом «Правды», нелегкий журналистский хлеб, обилие встреч и поездок. Жизнь, которую он хорошо познал, теперь рассматривалась зорким взглядом публициста. И все эти годы, урезывая сон, вычеркивая отдых, Проскурин стремился к своему письменному столу, к строкам своего нового романа.

У Достоевского в записной тетради есть образ подсудного, невысказанного будущего слова. Проскурину грезится такое Слово. Он постоянно живет в ощущении, что нравственно обязан высказать людям то, что действительность не исчерпывается поверхностно видимым; огромной своей частью она заключается во внутренних движениях души, которые открыть, объяснить способно только писательское слово. Оно для него равнозначно проповеди, но не высоко паучающее, а как бы приглашающее к соисповеди.

Нужно угадать и высказать цельное слово — так, чтобы оно уже было доступно не только одному тебе, романисту, а всем, кто твой роман станет читать, всем обыкновенным, простым людям. Ты выскажешь, а люди обрадуются: как все точно — ведь и мы так думаем, чувствуем, понимаем смысл жизни точно так!

Такой взгляд на задачу своего труда изначально определил проскуринский стиль, форму письма. Петр Проскурин прежде начал писать, печататься, а уже потом получил возможность постигнуть тайны профессионализма, оттачивать литературную технику.

Многие молодые авторы садятся за письменный стол, потому что научили владеть пером, считали великолепным литературным опытом предшественников. Рабочий леспромхоза тридцатилетний Петр Лукич Проскурин стал записывать в тетрадку свои наблюдения и мысли о людях, а потом понес эту тетрадку в издательство, единственно потому, что хотел открыть «ясую правду». Дерзость? Наверно. Но мы и по-другому можем взглянуть на дерзость рабочего парня, уверовавшего в силу своего

самородного слова, если оглянемся на уже пройденный им почти четвертьвековой писательский путь. Оглянемся — и мы увидим, что вовсе не розами он был усыпан. В середине семидесятых годов критика все еще не жаловала писателя. А в творческом багаже Проскурина было с десяток книг, среди них удивительная, нежная, музыкальная по языку повесть «Тихий, тихий звон», смелый политический роман «Горькие травы», интеллектуальный роман «Камень сердолик». Критики охотно писали о произведениях на ту же тему, принадлежавших перу признанных, «кобятанных» авторов. И только после огромного успеха дилогии «Судьба» и «Имя твое» вроде как удивились: вот и этот автор «расписался»...

Петр Проскурин с первых же книг ставил перед читателем жизненные проблемы. Жизнь и смерть, смысл нашего существования, философская наполненность души, идейный романтизм — вот достаточно сложный круг духовных проблем, которые еще в романе «Глубокие раны» (1960) волновали писателя.

Дилогия «Судьба» и «Имя твое» формально охватила события от довоенных до послевоенных лет. Но, в сущности, она была написана с целью духовного осмысления «переломов» начала 60-х годов. Что тогда было, с чем вошли мы в эпоху НТР? Со скепсисом (как пыталась доказать «исповедальная проза»)? Или, может быть, все было не так просто, как кому-то хотелось это представить? «Корни обнажаются в бурю» — так назвал Петр Проскурин свой второй роман. Он уже тогда писал о ценности «корней», то есть идейных и нравственных устоев общества. Теперь в своей дилогии он написал о том же...

Но была и качественная разница между старыми и новыми вещами. Если романы Проскурина, написанные в 60-х годах, шли по свежим следам «переломов», фиксировали бои на разных участках общего идейного фронта, складывая как бы мозаику Времени, то теперь «Судьбой» и «Именем твоим» подводились моральные итоги. Проскурин остался писателем-традиционалистом. Композици-

онные приемы, язык, способы расстановки характеров и сюжетоведения в дилогии сохранены такими же, как в «Исходе», «Горьких травах», «Камне сердолике». Принципиально новым было расширение авторского кругозора; временная всеохватность (здесь не кусок мозаики, а вся фреска). Дилогия была дерзко задумана Проскуриным как современная эпопея с исследованием нравственного движения человека на всех ступенях общества — от рабочего, колхозника, солдата до генералиссимуса. Реальные прообразы были у многих героев дилогии. Рядом с ними действуют исторические личности. Однако не документально-познавательный интерес определил успех романов у читателя. Решающим оказался гипноз «толстовской» медитативной структуры дилогии, ее формы слова-исповеди. А если быть еще точнее, то формы с о и с поведи с читателем. Внутренние монологи, всегда бывшие сильной стороной таланта Проскурина, в дилогии стали ее атмосферой, пафосом, самой сутью. Русские классические традиции слова-медитации, настойчивая философская исповедь души.

На этом, казалось бы, можно поставить точку: талант писателя пробился к читательским сердцам, все стало на свои истинные места. Однако мы погрешили бы против Проскурина сегодняшнего, закончив на этом свою статью. В момент признания сам Петр Проскурин вроде бы начинает все сначала...

В повестях «В старых ракетах» и «Черные птицы» мы встретились с совсем другим Петром Проскуриным. Писатель, утвердившийся как принципиальный «антифантаст», прославившийся воинственно скрупулезной верностью реальной природе, дотошным исследованием естественных эмоций, житейских переживаний, обратился вдруг к романтическим сюжетам.

В повести «В старых ракетах» шофер Василий грузит в свой грузовик гроб с телом матери и отправляется в долгий путь, чтобы похоронить ее у отчего дома; после поминок этот отчий дом вспыхивает пожаром, не доставаясь никому. В повести «Черные птицы» молодой композитор Глеб играет в ночь

перед уходом на фронт «тему» своей будущей симфонии, а возле дома бродит его друг-соперник Саня. Глеб погибает на фронте, а Саня добивается любви оставшейся одинокой Тамары, добивается высокого положения в Союзе композиторов. Этот самый Саня, теперь уже Александр Евгеньевич, обманом и мольбами добивается от Тамары доступа к заветным записям неосуществленной симфонии Глеба. Он дорвался до великой, подслушанной им у окна музыки: теперь она будет его музыкой... Но строки на нотном листе вдруг стираются, остается только чистый лист. Напрасно сидит Александр Евгеньевич вспомнить только что сыгранную музыку. Высокое — не для него...

Петр Проскурин резко изменил и самый стиль своего письма. Он не только обратился к героям-музыкантам, но и художественные средства стал смело черпать из музыкального арсенала.

Повесть «В старых ракетах», начинаясь со спокойно-натуралистических картин, незаметно переходит в сонатное произведение, в щемящую притчу о потерянном корне Скитальце, которому нет пристанища в родной деревне. В «Черных птицах» каждая часть этой небольшой повести тоже начинается как бы с бытовых подробностей, здесь много едких зарисовок показушных концертов. Но затем как-то незаметно, словно пробиваясь сквозь дым, натуралистические нелепые картины переходят в иное измерение — то измерение, где выше всего ценится духовность.

Создалось ощущение, будто бы Петр Проскурин сознательно перешел в своих новых произведениях на медитацию, на эмоционально возмущенную, романтически обостренную проповедь. Для воздействия на современного, ставшего уже слишком деловым, человека мало показывать во всей натуральной верности картины бездуховного зла. Писателю необходимо эмоционально встряхнуть современного прагматика, вывести его из равнодушно привычного примирения с засильем «вещизма».

Как видим, новое творческое кредо Петра Проскурина откровенно романтично. Недавно Проскурин опубликовал в журнале «Молодая гвардия» цикл стихов «Звездный зов»:

Урони свое сердце
В суглинка
перепутья России
У связавших могилы
и звезды
Пустынных дорог...
Урони свое сердце
в суглинка,
Ни о чем не жалея,
И оно прорастет
потайной,
Колдовскою травой,
Что в положенный срок,
Когда в крике рябина алеет,
Опадет и в земле
Растворится водою живой.

Так пишет Проскурин, обращаясь к современникам. В новых стихах, условно говоря, космологический романтизм, отличающий сегодняшний проскуринский стиль, звучит набатно и тревожно. Финал «Имени твоего» завершается на высокой трагической ноте. Сын главного героя, надежда его рода, погибает во время испытания-космического корабля.

«Был яркий, мгновенный взблеск, ничтожная точка в безбрежных пространствах, и все погасло, и ничто, кроме сжавшихся двух человеческих сердец рядом, не отзывалось на эту тихую вспышку, хотя жизнь готовилась к ней необозримые миллиарды лет; беспредельный океан был нем и как всегда недвижим, его законом были вечность и поной безмолвие. Он обнимал все миры и все, что являлось Вселенной — праматерью всего сущего, богов и людей, неслыханных, необозримых космических катастроф; в нем бушевали силы, необъятные для разума, и слабая мгновенная искорка человеческой жизни по значению уравнялась с крушением и появлением миров...»

В этих строках, как посчитали многие критики, можно увидеть и включенное в роман стихотворение в прозе. Но хочется спросить себя: не философская ли здесь квинтэссенция? не программа ли будущего (теперь уже сегодняшнего) Проскурина-романтика?

Александр БАЙГУШЕВ





Штрихи к портрету Петра Проскурина

СТУПЕНИ МАСТЕРСТВА

ПЕТРУ Проскурину исполнилось тридцать шесть, когда он поехал в Москву учиться. За плечами у него было несколько сборников рассказов, два «толстых» романа и поистине горьковские университеты жизни. От родной Брянщины, где тринадцатилетним мальчишкой пережил он трагедию оккупации, будущий писатель проехал через всю Россию до Камчатки, служил в армии, работал шофером, лесорубом.

А после Высших литературных курсов — работа специальным корреспондентом «Правды», нелегкий журналистский хлеб, обилие встреч и поездок. Жизнь, которую он хорошо познал, теперь рассматривалась зорким взглядом публициста. И все эти годы, урезывая сон, вычеркивая отдых, Проскурин стремился к своему письменному столу, к строкам своего нового романа.

У Достоевского в записной тетради есть образ подсудного, невысказанного будущего слова. Проскурину грезится такое Слово. Он постоянно живет в ощущении, что нравственно обязан высказать людям то, что действительность не исчерпывается поверхностно видимым: огромной своей частью она заключается во внутренних движениях души, которые открыты, объясняют способно только писательское слово. Оно для него равнозначно проповеди, но не свисока поучающее, а как бы приглашающее к соисповеди.

Нужно угадать и высказать цельное слово — так, чтобы оно уже было доступно не только одному тебе, романисту, а всем, кто твой роман станет читать, всем обыкновенным, простым людям. Ты выскажешь, а люди обрадуются: как все точно — ведь и мы так думаем, чувствуем, понимаем смысл жизни точно так!

Такой взгляд на задачу своего труда изначально определил проскуринский стиль, форму письма. Петр Проскурин прежде начал писать, печататься, а уже потом получил возможность постигать тайны профессионализма, оттачивать литературную технику.

Многие молодые авторы садятся за письменный стол, потому что их научили владеть пером, снабдили великолепным литературным опытом предшественников. Рабочий леспромхоза тридцатилетний Петр Лукич Проскурин стал записывать в тетрадку свои наблюдения и мысли о людях, а потом понес эту тетрадку в издательство, единственно потому, что хотел открыть «всю правду». Дерзость? Наверно. Но мы и по-другому можем взглянуть на дерзость рабочего парня, уверовавшего в силу своего

самородного слова, если оглянемся на уже пройденный им почти четвертьвековой писательский путь. Оглянемся — и мы увидим, что вовсе не розами он был усыпан. В середине семидесятых годов критика все еще не жаловала писателя. А в творческом багаже Проскурина было с десяток книг, среди них удивительная, нежная, музыкальная по языку повесть «Тихий, тихий звон», смелый политический роман «Горькие травы», интеллектуальный роман «Камень сердолик». Критики охотно писали о произведениях на ту же тему, принадлежавших перу признанных, «обкатанных» авторов. И только после огромного успеха дилогии «Судьба» и «Имя твое» вроде как удивились: вот и этот автор «расписался»...

Петр Проскурин с первых же книг ставил перед читателем жизненные проблемы. Жизнь и смерть, смысл нашего существования, философская наполненность души, идейный романтизм — вот достаточно сложный круг духовных проблем, которые еще в романе «Глубокие раны» (1960) волновали писателя.

Дилогия «Судьба» и «Имя твое» формально охватила события от довоенных до послевоенных лет. Но, в сущности, она была написана с целью духовного осмысления «переломов» начала 60-х годов. Что тогда было, с чем вошли мы в эпоху НТР? Со скепсисом (как пыталась доказать «исповедальную прозу»)? Или, может быть, все было не так просто, как кому-то хотелось это представить? «Корни обнажаются в бурю» — так называл Петр Проскурин свой второй роман. Он уже тогда писал о ценности «корней», то есть идейных и нравственных устоев общества. Теперь в своей дилогии он написал о том же...

Но была и качественная разница между старыми и новыми вещами. Если романы Проскурина, написанные в 60-х годах, шли по свежим следам «переломов», фиксировали бои на разных участках общего идейного фронта, складывая как бы мозаику. Времени, то теперь «Судьбой» и «Именем твоим» подводились моральные итоги. Проскурин остался писателем-традиционалистом. Композици-

онные приемы, язык, способы расстановки характеров и сюжетоведения в дилогии сохранились такими же, как в «Исходе», «Горьких травах», «Камень сердолик». Принципиально новым было расширение авторского кругозора, временная всеохватность (здесь не кусок мозаики, а вся фреска). Дилогия была дерзко задумана Проскуриным как современная эпопея с исследованием нравственного движения человека на всех ступенях общества — от рабочего, колхозника, солдата до генералиссимуса. Реальные прообразы были у многих героев дилогии. Рядом с ними действуют исторические личности. Однако не документально-познавательный интерес определил успех романов у читателя. Решающим оказался гипноз «толстовской» медитативной структуры дилогии, ее формы слова-исповеди. А если быть еще точнее, то формы соисповеди с читателем. Внутренние монологи, всегда бывшие сильной стороной таланта Проскурина, в дилогии стали ее атмосферой, пафосом, самой сутью. Русские классические традиции слова-медитации, настоячивая философская исповедь души.

На этом, казалось бы, можно поставить точку: талант писателя пробился к читательским сердцам, все стало на свои истинные места. Однако мы погрешили бы против Проскурина сегодняшнего, закончив на этом свою статью. В момент признания сам Петр Проскурин вроде бы начинает все сначала...

В повестях «В старых ракетах» и «Черные птицы» мы встретились с совсем другим Петром Проскуриным. Писатель, утвердившийся как принципиальный «антифантас», прославившийся воинственно скрупулезной верностью реальной природе, дотошным исследованием естественных эмоций, житейских переживаний, обратился вдруг к романтическим сюжетам.

В повести «В старых ракетах» шофер Василий грузит в свой грузовик гроб с телом матери и отправляется в долгий путь, чтобы похоронить ее у отчего дома; после поминок этот отчий дом вспыхивает пожаром, не доставаясь никому. В повести «Черные птицы» молодой композитор Глеб играет в ночь



перед уходом на фронт «тему» своей будущей симфонии, а возле дома бродит его друг-соперник Саня. Глеб погибает на фронте, а Саня добивается любви оставшейся одинокой Тамары, добивается высокого положения в Союзе композиторов. Этот самый Саня, теперь уже Александр Евгеньевич, обманом и мольбами добивается от Тамары доступа к заветным записям неосуществленной симфонии Глеба. Он дорвался до валики, подслушанной им у окна музыки: теперь она будет его музыкой... Но строки на нотном листе вдруг стираются, остаются только чистый лист. Напрасно силится Александр Евгеньевич вспомнить только что сыгранную музыку. Высокое — не для него...

Петр Проскурин резко изменил и самый стиль своего письма. Он не только обратился к героям-музыкантам, но и художественные средства стал смело черпать из музыкального арсенала.

Повесть «В старых ракетах», начинаясь со спокойно-натурлистических картин, незаметно переходит в сонатное произведение, в щемящую притчу о потерянном корне Скитальце, которому нет пристанища в родной деревне. В «Черных птицах» каждая часть этой небольшой повести тоже начинается как бы с бытовых подробностей, здесь много едких зарисовок показушных концертов. Но затем как-то незаметно, словно пробиваясь сквозь дым, натуралистически нелицеприятные картины переходят в иное измерение — то измерение, где выше всего ценится духовность.

Создалось ощущение, будто бы Петр Проскурин сознательно перешел в своих новых произведениях на медитацию, на эмоционально взвинченную, романтически обостренную проповедь. Для воздействия на современного, ставшего уж слишком деловым, человека мало показать во всей натуральной верности картины бездумного зла. Писателю необходимо эмоционально встряхнуть современного прагматика, вывести его из равнодушно привычного примирения с засильем «вещизма».

Как видим, новое творческое кредо Петра Проскурина открыто романтично. Недавно Проскурин опубликовал в журнале «Молодая гвардия» цикл стихов «Звездный зов»:

Урони свое сердце
В суглиники
перепутья России
У связавших могилы
и звезды
Пустынных дорог...
Урони свое сердце
в суглиники,
Ни о чем не жалея,
И оно прорастет
потопленной,
Колдовскою травой,
Что в положенный срок,
Когда в крике рабина алеет,
Опадет и в земле
Растворится водою живой.

Так пишет Проскурин, обращаясь к современникам. В новых стихах, условно говоря, космологический романтизм, отличающий сегоднешний проскуринский стиль, звучит набатно и тревожно.

Финал «Имени твоего» завершается на высокой трагической ноте. Сын главного героя, надежда его рода, погибает во время испытания космического корабля.

«Был яркий, мгновенный взблеск, ничтожная точка в безбрежных пространствах, и все погасло, и ничто, кроме сжавшихся двух человеческих сердец рядом, не отозвалось на эту тихую вспышку, хотя жизнь готовилась к ней, необозримые миллиарды лет; беспредельный океан был нем и как всегда недвижим, его законом были вечность и покой безмолвия. Он обнимал все миры и все, что являлось Вселенной — праматерью всего сущего, богов и людей, неслыханных, необозримых космических катастроф; в нем бушевали силы, необъятные для разума, и слабая мгновенная искорка человеческой жизни по значению уравнялась с крушением и появлением миров...»

В этих строках, как посчитали многие критики, можно увидеть и включенное в роман стихотворение в прозе. Но хочется спросить себя: не философская ли здесь квинтэссенция? не программа ли будущего (теперь уже сегодняшнего) Проскурина-романистика?

Александр БАЙГУШЕВ